

А. Б. СОКОЛОВ

ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В статье рассмотрено становление и современное состояние истории сексуальности как историографического направления. Научное изучение истории сексуальности началось примерно с 1970–1980-гг., а в 1990-х гг. сложились два методологических подхода, использованные для классификации в данной статье. Первый, *эссенциалистский*, рассматривает секс как природное биологическое явление, отношение к которому различается в разных культурах и претерпевает известную трансформацию в процессе общественного развития. Второй, *конструктивистский* подход, опирается на идеи М. Фуко о дискурсивности и рассматривает контроль над сексуальностью как одну из главных дисциплинарных технологий современного общества. Теоретические проблемы истории сексуальности были озвучены уже в 1990-х гг., но консенсус в их решении так и не был найден. На нынешнем этапе многочисленные труды в данной области носят, в основном, эмпирический характер, хотя и дополняют палитру представлений об этой важной части жизни человека.

Ключевые слова: история сексуальности, З. Фрейд, норма и девиация, Фуко, дискурс, власть, Т. Лакёр, тело, де Сад, революция, Л. Хант

Сексуальность – это вечная и провоцирующая тема. Как заметила В. Харрис, «написание истории сексуальности ставит автора в ситуацию преднамеренного проступка, делает его маргиналом, хотя, возможно, краткосрочно»¹. А. Корбен писал: «Представления о сексе, удовольствии, запретном и, разумеется, непристойном не ускользают от истории. Они меняются в зависимости от повышения или понижения уровня толерантности в обществе и от нравственного отношения как к тем, кто «потребляет» неприличное, так и к тем, кто его порицает»².

Начало истории сексуальности было положено в последней четверти XIX в., одновременно с сексологией. По меньшей мере, до середины XX в. исторические сочинения на эти темы, вроде «Иллюстрированной истории нравов» Э. Фукса, представляли, в основном, не критические описания манер и традиций, существовавших в разные времена в разных обществах. Источники рассматривались преимущественно как прямые свидетельства о существовавших сексуальных практиках, без учета их морально-дидактических целей. Учение Фрейда знаменовало «поворот» к изучению сексуальности, но не ее истории. Только после сексуальной революции 1960-х гг. появилась «новая история сексуальности». Можно выделить два главных подхода, сложившихся в историографии сексуальности к концу XX в., *эссенциалистский (биологический)*

¹ Harris 2010. P.1094.

² История тела. Т. II. 2014. С. 137.

и *конструктивистский*, хотя границы между ними не всегда легко провести. Как отметила К. Крауфорд, «среди историков главные дебаты проходят между теми, кто предпочел сфокусироваться на дискурсе, и теми, кто придерживается эмпирических подходов»³. *Эссенциализм* рассматривает сексуальность как явление природное, а сексуальную культуру как набор исторически сложившихся практик, претерпевших эволюцию в ходе модернизации, изменения социальных условий, религиозных, национальных и иных факторов. Некоторое влияние на изучение сексуальности оказала демографическая история и «новая социальная история», что способствовало изучению истории сексуальности по группам: аристократия, средний класс, проститутки, сексуальные меньшинства и т.д. *Конструктивизм*, основанный на идеях Фуко, рассматривает сексуальную культуру как набор «выдуманных» правил, порождаемых господствующим дискурсом и отражающих переход к обществу, основанному на дисциплинарных технологиях.

Возьмем за основу данную классификацию. К *эссенциалистской* методологии принадлежат взгляды одного из пионеров «новой истории сексуальности» Л. Стоуна. В труде «Семья, секс и брак в Англии 1500–1800» он использовал не только методологию социальной истории, но и культурно-исторические подходы, особенно в разделах, посвященных сексуальности. Считая ошибочным мнение Фрейда, будто либидо неизменно во все времена, а значит секс является неменяющейся «инфраструктурой», Стоун полагал, что секс находится под столь значительным влиянием культурных норм, что претерпевает бесконечные исторические изменения. По его мнению, главная тенденция заключалась во включении в сферу сексуальных отношений более сильного чувственного элемента. Если Фуко утверждал, что Возрождение и эпоха, предшествовавшая Французской революции, характеризовались большей сексуальной свободой, чем современность, Стоун доказывал: тогда уровень сексуальной активности в браке и во внебрачных отношениях был ниже, чем в конце XX в., что объяснялось слабым развитием гигиены; широким распространением венерических и гинекологических заболеваний, понижавших привлекательность партнеров и затруднявших коитус; доминировавшими медицинскими и теологическими идеями, в свете которых секс виделся почти исключительно как способ воспроизводства; отсутствием надежных противозачаточных средств и боязнью беременности и родов. Страсть осуждалась в браке и вне его, рекомендовались умеренность, воздержание в воскресенье, религиозные праздники и «критические дни», использование лишь стандартной «миссионерской» позиции как отражающей «правильные» гендерные роли и неживотный характер секса. В отношениях между полами присутствовал

³ Crawford 2006. P.413.

двойной стандарт: внебрачные связи для женщин отвергались, но для мужчин считались приемлемыми, по меньшей мере, до брака. Такой идеал был далек от реальности, например, большинство любовниц Пепписа (английский дайерист XVII в., чей откровенный дневник остается важным источником по истории сексуальности) были замужем и без зазрения совести использовали связь с ним для продвижения карьеры своих мужей. Однако внебрачные связи несли опасность конфликтов, дуэлей, поскольку преобладающим было отношение к обманутым мужьям как к рогоносцам. Годы Реставрации Стоун считал переломными для эмансипации сексуальности в Англии, продолжившейся в XVIII в. В основе этого процесса он видел, в первую очередь, секуляризацию общества. После Реставрации внебрачные связи широко распространились не только при дворе, но и в среде джентри. Стоун отмечал увеличение числа гомосексуальных связей и широкое распространение порнографической литературы. Он выделял стадии в истории сексуальности: умеренной толерантности (примерно до 1570 г.); репрессивную стадию (до 1670 г.); фазу разрешения и даже поощрения (примерно до 1810 г.); этап новой репрессивности, достигший апогея примерно к 1870 г. Затем наступила эмансипация, пик которой пришелся на сексуальную революцию и 1970-е гг.⁴ Английский историк Т. Хичкок остроумно назвал эту концепцию «вигской моделью растущего сексуального удовольствия и эмоциональной интимности», подразумевая пресловутую приверженность либерально-вигской историографии идее прогресса.

Специалист по елизаветинской эпохе А. Хайнс отмечал ограниченность источников по сравнению с более поздним временем, в этой связи особо информативны поэзия и пьесы. В сонетах Шекспира, Марло и других поэтов лирический герой (франт, называет его историк) «холодно воспринимает необходимость брака как опору дома и семьи. Сексуальное желание направлено вне брака и имеет разрушительный характер, поскольку преследует единственную цель – личное удовольствие». Идеалом таких устремлений является не Прекрасная Дама, франт легко переходит от одной модели сексуального поведения к другой: днем он развлекает свою леди, а вечером обедает с катамитом. Наличие древнегреческих образцов такого рода смущало многих елизаветинцев, поэтому маскировалось пасторальными мотивами: невинные пастушки, чья чувственность как бы защищена чистотой и дикостью мест, где они проживают. Хайнс полагал, что елизаветинская сексуальная культура была, в целом, ближе к новому времени, чем к средним векам, ибо «находилась в осаде молящихся моралистов, нового законодательства, ужасной угрозы неизлечимых болезней»⁵. Во времена Тюдоров Лондон

⁴ Stone 1990. P. 339.

⁵ Haynes 1997. P. 100-101, 157.

воспринимался многими как город греха и борделей, а попытки властей (впервые за много столетий) бороться с этим злом оставались малоэффективными. Занятие проституцией было доходным, хотя считалось преступлением и наказывалось, как правило, поркой и заключением в исправительный дом. Кроме профессиональных проститутток, в садах и аллеях предлагали свои услуги женщины из низших классов. Наказание за адюльтер было не слишком жестоким и часто ограничивалось тем, что виновные приговаривались к покаянию: в течение трех воскресных служб подряд стоять возле церкви в белой одежде с розгой в руке.

К методологии *эссенциализма* можно отнести работы, акцентирующие внимание на типы сексуальности, в частности, европейской. Критерием деления служит, в основном, религия. Северо-западная Европа развивалась под влиянием протестантизма, что предполагало резко негативное отношение к внебрачному сексу, но высокую степень индивидуализма. Осуждались, на моральных и медицинских основаниях, любые внебрачные формы сексуальности, в т.ч. мастурбация. С проституцией, если клиентом был мужчина, в известной степени мирились, как со средством избежать худших сексуальных отклонений. Узы мужской дружбы, включавшие элементы гомоэротизма, высоко ценились в некоторых профессиональных группах при условии, если они не вели к сексуальным отношениям. Вторая группа – католические страны южной Европы, характеризующиеся господством строгой морали и большой толерантностью на практике. Крепкие семейные связи, в то же время возможность отпущения греха давала основание мужчинам, как гетеросексуалам, так и гомосексуалистам считать эти страны регионом сексуальных свобод. В Восточной Европе, где господствует православная церковь, нормы сексуальности близки тем, которые отмечались в католических странах. В странах с сильным влиянием ислама сексуальность определяется законами шариата. Мужчинам прощается нарушение правил, если нет гомосексуальных контактов, и случившееся не приобрело публичного резонанса⁶. Данная типология весьма условна и отражает скорее традиционные представления, чем реальность, которая формировалась под влиянием трех главных факторов: Просвещения XVIII в., сексологии как науки о регулировании сексуального поведения, возникшей на рубеже XIX и XX вв., и сексуальной революции 1960-х гг.

Великая Французская революция началась с либеральной политики, в т.ч. в требованиях предоставления прав женщинам, отмены цензуры, что прямо повлияло на рынок порнографии, также произошла декриминализация однополых отношений. Однако этот вектор не был стабильным, и историки склонны подчеркивать двойственное влияние революции на сферу сексуальности: «С одной стороны, обещание сво-

⁶ Sexual Cultures in Europe, v. 1. 1999. P. 7-8.

бод, с другой, усиление социального контроля над многими формами сексуального поведения. Профилактика предполагаемых социальных и сексуальных зол вместо репрессий – вот главная угроза, которую несло Просвещение». Так, «будучи грехом и преступлением, гомосексуализм стал болезнью. Психотерапия, кастрация, операции на мозге, уголовное преследование, увольнение с военной службы, высокий уровень самоубийств, изгнание из общества – все это было прямо связано с данным медицинским заключением»⁷. В некоторых случаях в художественных произведениях эпохи «Серебряного века» звучал мотив эмансипации однополюх отношений. Эпоха толерантности продолжалась до 1930-х гг. В 1920-х гг. в Советской России начались преследования проституток, в 1934 г. была восстановлена уголовная ответственность за гомосексуализм, а в 1936 г. были запрещены аборты. До прихода нацистов к власти в Германии Берлин называли «раем для гомосексуалистов», при Гитлере гомосексуалисты подверглись беспрецедентным репрессиям. Попытка либерализации законодательства в республиканской Испании была остановлена при Франко. Вывод о том, что преследования по сексуальным мотивам были общей частью репрессивной политики тоталитарных режимов XX в. разделяют практически все специалисты.

Влияние фрейдизма на представителей *эссенциалистского* подхода можно проследить на примере сочинения «Буржуазный опыт» американского историка Питера Гея, определявшего викторианскую эпоху как время возникновения современной сексуальности: ее главным признаком он считал разделение половой страсти и любви, что связывалось со становлением среднего класса. Гей, рассматривавшего эволюцию сексуальности в контексте прогресса, можно отнести к либеральному направлению, в то же время он оставался скептиком в плане признания некой общей методологии, поскольку сексуальный опыт сугубо индивидуализирован. Он связывал особенности сексуальности среднего класса с разрушением старого патерналистского порядка: «В возрастающей степени неясной и вызывающей беспокойство ситуации единственной рациональной реакцией буржуазии мог быть почти отчаянный уход в приватность. Мой центральный пункт в том, что величайшая ошибка думать, будто буржуазия в XIX в. не знала, не практиковала и не наслаждалась тем, о чем было не принято говорить»⁸. Учение Фрейда – о среднем классе и для среднего класса: «Большинство буржуазных обозревателей придерживалось мнения, что у бедняков не бывает высоких чувств, а нищета и убожество порождают преступные половые связи, правда, отдельные бедные женщины могут демонстрировать образцы чистоты. Сельское население считалось более дисциплинированным в порывах

⁷ Ibid. P. 12-14.

⁸ Gay, v. 2. 1986. P. 3-4.

плоти, чем жители грязных перенаселенных трущоб⁹. Впрочем, вывод о «чистоте» деревенской жизни по сравнению с городской не раз опровергался в разных исследованиях¹⁰.

Сексуальной культуре среднего класса была свойственна амбивалентность. Утвердив свое господство в обществе, средние классы долго «не могли решить, является ли замалчивание эффективным способом культурной защиты. К концу века эксперты по сексуальному поведению стали оправдывать навязчивое подглядывание в частную жизнь тем, что отсутствие информации всегда опасно и ведет к пассивности перед проблемами, кажущимися неразрешимыми. До 1880-х и даже позднее многие буржуа предпочитали душевное спокойствие, игнорируя рискованное знание»¹¹. Сдвиг проявился, в первую очередь, в отношении к гомосексуалистам, которые в середине века могли чувствовать себя в большей безопасности, чем в конце. Во Франции добровольная связь между взрослыми одного пола не считалась преступлением с 1791 г., ее примеру в 1886 г. последовали Нидерланды, в 1889 г. Италия. В Баварии и Ганновере отношение к ним также было толерантным, однако после объединения Германии в этом вопросе как модель выступила Пруссия, и такие связи карались тюремным заключением. В последней четверти XIX в. медики и моралисты бесконечными рассуждениями о пороках и упадке породили в буржуазном обществе стойкие комплексы, выразившиеся в феномене нервозности и в озабоченности проституцией. В то же время бордель был важной частью сексуальной культуры викторианской эпохи, являясь, с одной стороны, местом реализации подавленной сексуальности, а с другой, поводом для раскаяния и самоуничужения.

Историки обращались к сексуальности в истории Британской империи. Р. Хайм подчеркивал: дело не в том, что европейцы искали способ удовлетворения либидо на колониальной периферии (в известной степени он признавал возможность использования фрейдистского понятия «сублимация»). Однако механизм создания и эволюцию империи невозможно понять без учета сексуальности. Вплоть до середины XVIII в. сохранялось представление об общности человеческой расы, в общественном сознании присутствовал образ «благородного дикаря». Позднее усилилась идея расовых различий, скептицизм в отношении афроазиатских народов, их способности к созидательной деятельности. Идеологему «улучшения этих народов для приобщения к цивилизации» сменило жесткое администрирование. Этот процесс коррелировал с изменениями в сексуальных контактах. К началу XIX в. за исключением отдельных частей империи межрасовые браки оказались под запретом, но

⁹ Ibid. P. 391-393.

¹⁰ См.: История тела, т. 2. 2014. С. 151-155.

¹¹ Gay, v. 2. 1986. P. 202.

такого рода внебрачные связи до 1860-х гг. оставались широко распространенными. С 1880-х межрасовые связи подвергались резкому осуждению или прямо запрещались, могли стоить карьеры колониальным чиновникам, эта тенденция сохранилась и в XX в. Хайм писал: «Расизм порожден не только сексуальными предпочтениями, есть другие факторы, такие как страх перед неизвестным, страх, порожденный памятью о прошлых конфликтах, страх раствориться демографически, быть воспринятым чужим и низким, страх болезней, конкуренции за ограниченные ресурсы, но особая эмоциональная враждебность к черным носит гендерный характер и требует объяснений с точки зрения сексуальности»¹². Страхами сексуального характера часто манипулировали с политическими целями, для сохранения господства белых, британцы стремились привнести (и в известной степени в этом преуспели) нормы сексуальной морали в такие колониальные общества, которые до прихода европейцев обладали более высокой сексуальной культурой.

Во всех приведенных примерах сдвиги в сфере сексуальности представлялись отражением объективных процессов – модернизации и индивидуализации у Стоуна, эволюции среднего класса у Гея, закономерностей развития империи у Хайма. В постмодернистском *конструктивистском* варианте сексуальность и отношение к ее формам и проявлениям – целиком результат дискурсов. Отправной точкой концепции Фуко была викторианская эпоха. Викторианская репрессивная мораль считала непристойным обсуждение темы сексуальности, которая оказалась «запертой в родительской спальне». «В условиях медиализации общества сексуальная “неправильность” была приравнена к душевному заболеванию; нормы сексуального развития были стандартизированы от детства до старости, всевозможные девиации были тщательно описаны, педагогический контроль и медицинское лечение организованы. Моралисты и особенно врачи выставляли малейшие фантазии напоказ как омерзительные»¹³. Фуко признавал, что набор практик в рамках гетеросексуальных моногамных отношений сохранялся как норма, и о них стали говорить меньше, по крайней мере, с растущей умеренностью. Однако «под пристальным наблюдением оказалась детская сексуальность, умалишенные и преступники, чувственность тех, кто не любит противоположный пол, склонность к уединению или одержимости, мелкие синдромы и большой раж. Пришло время тем фигурам, которых в прошлом почти не замечали, выступить вперед и заговорить, признаваясь в том, кто они есть»¹⁴. Власть использовала разные формы контроля и наказания: «Медицинский осмотр, проверка у психиатра, педа-

¹² Hyam 1990. P. 202-203.

¹³ Foucault, v.1. 1998. P. 36.

¹⁴ Ibid. P. 39.

гогический доклад или семейный контроль были направлены на то, чтобы сказать “Нет” всем неуправляемым видам сексуальности, не имевшим целью реализацию репродуктивных функций»¹⁵.

Фуко рассматривал контроль над сексуальностью как наиболее полную из дисциплинарных технологий, рассмотренных им в книге «Надзирать и наказывать». Он считал власть более широким понятием, чем просто совокупность государственных институтов или лиц, понимаемая ее «как множество силовых отношений, присутствующих той сфере, в которой они действуют и имеют собственную организацию; как процесс, который посредством бесконечной конфронтации и борьбы трансформирует, усиливает или меняет их»¹⁶. Власть пронизывает социальные отношения целиком; каждый находится под властью другого, статус каждой персоны постоянно претерпевает изменения, тот, кто в одной структуре господин, в другой зависим и управляем. Посредством, в первую очередь, медицины в современном обществе установлен дисциплинарный контроль над телом и сексуальностью. Фуко сформулировал понятие *биовласти*, наиболее полной формы власти, контролирующей и регулирующей святая святых – сексуальность и репродуктивную функцию. Вторая идея Фуко – опровержение традиционного взгляда, что викторианская мораль не позволяла говорить о сексе. Напротив, произошла гигантская экспансия говорения о сексе, но формы изменились:

«Прежде главной была церковная исповедь, теперь исповедь стала частью правосудия, медицины, образования, семьи, любовных отношений. Каждый исповедуется в своих преступлениях, грехах, мыслях и желаниях, болезнях и бедах. Исповедуются публично и по секрету, родителям, учителям, доктору, любимым, самому себе, об удовольствиях и боли; о чем нельзя рассказать, пишут в книгах. Человек признается, или его заставляют признаваться. Самые мягкие и самые кровавые режимы одинаково требуют исповеди. Западный человек превратился в «исповедующееся животное». Со времен христианского раскаяния до наших дней главной темой исповеди остается секс»¹⁷.

Как писал Фуко, если на Востоке формой говорения о сексе была *ars erotica*, то на Западе это *scientia sexualis*. Запад стал единственной цивилизацией, сделавшей говорение о сексе приводным ремнем власти¹⁸.

К *конструктивистской* методологии относятся труды американского историка Т. Лакёра. Он, с одной стороны, вслед за Фуко признал: сложившееся в эпоху Просвещения представление о двух полах имеет

¹⁵ Ibid. P. 45.

¹⁶ Ibid. P. 92.

¹⁷ Foucault, v. 1. 1998. P. 59, 61.

¹⁸ Как в 1950-х гг. книга Фуко «Безумие и цивилизация» стала манифестом антипсихиатрического движения, так «История сексуальности» в практическом отношении способствовала борьбе за права сексуальных меньшинств. Правда, Фуко упрекали в игнорировании некоторых аспектов, имеющих прямое отношение к теме сексуальности, например, брака. – Crawford 2006. P. 413-414.

не только биологическое основание: «Серьезный разговор о сексуальности – неизбежно разговор о социальном порядке, который она выражает и легитимирует»¹⁹, но с другой – отвергал Фуко, который, по его мнению, видел в сексуальности не «прирожденное свойство плоти», а биологический стимул,двигающий цивилизацию в том или ином направлении. По Лакёру, в основе дискурса о сексуальности лежало представление о переходе от однополовой к двуполовой модели тела. Однополовая модель, исходившая из подобия мужских и женских половых органов, шла от Аристотеля и Галена. Изучив медицинские тексты и анатомические рисунки, Лакёр пришел к выводу, что «история репрезентаций анатомических различий между мужчинами и женщинами удивительным образом независима от их действительного строения, как и от того, что известно о них. Идеология, а не точность наблюдения определяла, как их видели и каким различиям придавали значение»²⁰. Эта модель продолжала господствовать в эпоху Возрождения²¹. Рассуждая о переходе к новой модели сексуальности, Лакёр ставил как ключевой вопрос о женском оргазме. Однополовая модель предполагала, что женщины, как и мужчины, испытывают оргазм. Отдельные изменения в эту схему вносились в XVI в., прежде всего, открытие клитора в 1559 г. анатомом Ринальдо Колумбом²². Переход к экспериментальной науке внес свои коррективы. Уильям Гарвей (1578–1657), известный открытием двух кругов кровообращения, немало занимался процессами зачатия, отвергал мысль Аристотеля об активности самца и пассивности самки, и для доказательства своей правоты ставил эксперимент в присутствии Карла I в Ричмондском парке. В XVIII в. взгляды Аристотеля и Галена, считавших женские органы перевернутой копией мужских, были отброшены как ошибочные, двуполовая модель быстро вытеснила однополовую. Прежде женский оргазм считался естественной частью коитуса и едва ли не необходимым условием для зачатия, теперь он занял центральное место в медицинских и научных дискуссиях. Возникли две позиции: одна состояла в отрицании оргазма, что вело, например, к обсуждению в медицине и криминалистике вопроса, может ли женщина забеременеть в результате изнасилования; вторая приписывала женщине гипертрофированную животную сексуальность²³. Оба подхода способствовали утверждению в медицине XIX в. взгляда, что «чрезмерная» женская сексуальность – патология, требующая лечения. Так возникла репрессивная

¹⁹ Laqueur 1990. P. 11.

²⁰ Laqueur 1990. P. 88.

²¹ Любопытно, что Лакёр знаменитую фразу королевы Елизаветы I: «У меня тело слабой женщины, но сердце и желудок короля»²¹, объяснял именно с позиций однополовой модели, а не в духе концепции Э. Канторовича о «двух телах короля».

²² Ibid. P. 64.

²³ Ibid. P. 149-150.

гинекология²⁴. Новый взгляд на половые различия не вытекал из каких-то принципиальных открытий в анатомии. По Лакёру, он сформировался прежде всего как результат расширения публичной сферы и появления новых форм борьбы за власть. У представителей договорной теории подчинение женщины мужчине – следствие физических различий между полами. У Гоббса сам факт, что женщина нянчит ребенка, ставит ее в зависимую позицию, превращая в объект легкого завоевания. Руссо, выступая против концепции Гоббса о «войне всех против всех», сам прибегал к биологическим аргументам, апеллируя к репродуктивной физиологии: в природе и в примитивном обществе борьба самцов за самку может способствовать естественному отбору, но у женщины способность зачать сохраняется в течение всего года и ограничена только менструальным циклом, что способствует сглаживанию страстей. Французская революция породила не только ранний феминизм, но и антифеминизм, новые политические границы гендерного характера. «Те, кто противился расширению гражданских и личных прав для женщин... представляли доказательства неприспособленности женщин, физической и интеллектуальной, для таких требований: их тела непригодны для хи-мер, неосторожно открытых революцией»²⁵. Мнение, что Французская революция, в конечном счете, воссоздала патриархальную политическую культуру и оттеснила женщин на «периферию», стало своего рода трюизмом в современной историографии²⁶.

В XIX в. главным рупором гендерного неравенства стала медицина, устами крупнейших врачей (Шарко, Вирхоф, Бишоф) утверждавшая: «Требование равенства полов основывается на полном игнорировании непреложных физических и умственных различий между ними; именно это, а не прихоть законодателей создает социальное разделение в труде и правах. Большинство врачей считало: научными методами доказано, что женщина не способна делать то, что делают мужчины (включая занятия медициной) и наоборот»²⁷. Идея анатомической и биологической противоположности полов лежала, по мнению Лакёра, в основе двух главных дискурсов, имевших прямое отношение к теме сексуальности: мастурбации и проституции. Викторианская эпоха была буквально за-циклена на проституции, для нее это была «важнейшая арена борьбы против асоциальных форм сексуальности». Проституция в течение столетий, если не тысяч лет рассматривалась как социальное зло, но была одним из зол – наравне с пьянством, богохульством, другими пороками. В XIX в. ей придали особый смысл как самому угрожающему пороку,

²⁴ См., напр.: Scully 1994.

²⁵ Laqueur 1990. P. 194.

²⁶ Hunt 1992; Outram 1989.

²⁷ Laqueur 1990. P. 207.

подтачивающему устою общества. Проститутки считали бесплодными – это был стереотип, имевший давнее происхождение. Утверждалось: они не способны к зачатию, ибо в их организмах перемешено семя разных мужчин, их яичник всегда в патологическом состоянии из-за постоянных коитусов, по той же причине фаллопиевы трубы закрыты и т.д. Некоторые комментаторы безапелляционно писали, что проститутка может забеременеть только от мужчины, к которому испытывает чувство любви. Лишь немногие осмеливались сомневаться в таких суждениях и видеть в проституции социальные, а не биологические корни, называя это явление «патологией городского торгового общества». Отмечая социальные и культурные предпосылки эволюции сексуальности и изменения критериев «нормальности», Лакёр, в отличие от Фуко, придавал значение развитию капитализма: «Глубокая культурная озабоченность деньгами и рыночной экономикой сформулирована в метафорах репродуктивной биологии. Секс за деньги, не дающий плодов, резко контрастировал, особенно в немецком примере, с домашней экономикой секса, социальной и продуктивной». Троп бесплодной проститутки имеет давнюю историю, но «границы между домом и экономикой, частным и общественным, личностью и обществом» выглядели более проблематично в городском классовом индустриальном обществе»²⁸.

Концепция Лакёра вызвала острую и продолжительную дискуссию. Среди тех, кто ее принял, Р. Перри, дополнившая аргументы Лакёра анализом художественной литературы. Она выявила тенденцию «десексуализации женщин». Если в пьесах эпохи Реставрации, в произведениях Афры Бен, романах Д. Дефо создавался образ страстной женщины, искательницы любовных приключений, то к середине XVIII в. ситуация изменилась. Неверные жены, как у Г. Филдинга, возмутительницы спокойствия остаются наказанными. Ссылаясь на Лакёра, Перри заключала: «Исторически женщины воспринимались как сладострастные и похотливые создания, падшие дочери Евы, порочные и развращающие. К середине XVIII в. они стали иными: любящими, но без сексуальных потребностей, чистыми с моральной точки зрения, бескорыстными, доброжелательными, жертвенными»²⁹. Прозвучала и критика в адрес Лакёра. К. Харвей показала, что «репрезентации сексуальных различий невозможно разместить в хронологических моделях»³⁰. Одной биологии недостаточно, чтобы понять согласованность гендерной и социальной иерархии³¹. Л. Ропер утверждал, что Лакёр описал всего лишь дискурс в медицинской теории. Совершенно не очевидно, что в реальности люди

²⁸ Laqueur 1990. P. 230-232.

²⁹ Perry 1992. P. 115-116.

³⁰ Harvey 2002. P. 216.

³¹ Crawford 2006. P. 415.

того времени воспринимали половые различия подобным образом. Сам Лютер видел в гендерных различиях телесную основу: «У мужчин широкие плечи и узкие бедра, следовательно, они обладают умом. Женщинам надлежит оставаться дома, то, какими они созданы, с широкими бедрами и большим тазом, означает, что они должны сидеть дома, хранить его, вынашивать и растить детей»³². Таким образом, большинство историков соглашались, что половые отличия, которые Лакёр относил к новой модели тела, существовали раньше XVIII в.

С точки зрения Т. Хичкока, фрейдистская биологическая модель гендерных различий глубоко анахронична и мало полезна для понимания исторических процессов³³. В контексте *конструктивизма*, возобладовавшего в историографии сексуальности в 1990-х гг., он отмечал: в результате утверждения в конце XVIII в. идеи «естественности» половых различий, «нормальные» мужчина и женщина должны находить друг друга «естественным образом» привлекательными. Адюльтер казался грехом, но не «природным извращением». Наоборот, содомия, гомосексуализм и мастурбация, представлявшиеся в раннее новое время едва ли большим грехом, чем чревоугодие, превратились не только в преступление, по меньшей мере, моральное, требовавшее наказания, но и в болезнь³⁴. Хичкок указал на дискурсивный характер восприятия проституции в XVIII в.: «В течение века литературные и социологические описания проституток изменились, трансформировались взгляды на то, почему женщины становились проститутками, как и весь спектр суждений в обществе, относящихся к феномену проституции»³⁵. Он показал значимость возникшего в XVIII в. концепта «соблазн», одна из функций которого состояла в доказательстве, что дочери, в т.ч. из высшего и среднего классов, должны держаться у домашнего очага, чтобы не подвергнуться насилию. Этот концепт поменял самовосприятие полов: «Женщины не должны больше считать себя страстными и обладающими едва контролируемым желанием, а сексуально немymi. В начале века от мужчин ожидали, что они могут рационально контролировать свои страсти, их учили быть сексуально ответственными, а в конце века им говорили, что их сексуальные желания вряд ли контролируемы»³⁶. Таким образом, опровергался взгляд на XVIII в. как на «сексуальный рай».

Американский историк Р. Дарнтон утверждал: во Франции главным потребителем порнографической литературы была образованная элита, и такого рода сочинения могут рассматриваться как часть Просвещения. Другой известный историк Л. Хант видела специфику порно-

³² Roper 1994. P. 16, 18-19

³³ Hitchcock 1989. P. 350, 355.

³⁴ Hitchcock 1997. P. 5-6.

³⁵ Ibid. P. 98.

³⁶ Ibid. P.100.

графических изображений кануна Французской революции в том, что их основным назначением было не изображение соответствующих действий как таковых, а нанесение удара по господствующему сословному порядку, аристократии и королевской семье. Хичкок полагал, что в английском контексте эта концепция не работает. Сведения о либертинаже иностранных аристократов и католического духовенства лишь усиливали консерватизм английской публики. Интерес к такой литературе разделяла незначительная группа в верхушке общества. На этом рынке преобладали переводы с итальянского и французского, зато издавалось много дешевых брошюр с непристойными шутками. Их читателями были, в основном, представители среднего и даже низшего класса. Для изображения половых органов или сексуальных действий в этих брошюрах часто использовались метафоры. По наблюдению Хичкока «домашний» характер английского дискурса о сексуальности иллюстрируют описания острова Таити. Руководитель французского кругосветного путешествия в 1778 г. граф Буганвиле в своих записках создавал образ Таити в духе сексуальной утопии. Для него, а вслед за ним для Дидро, таитяне – благородные дикари, живущие согласно духом природы, которым секс дарит радость, не накладывая на них чувства вины. Напротив, посетивший этот остров почти в то же время капитан Джеймс Кук пришел к иному заключению: они придерживаются моногамии, ценят собственность и свой дом – лишь отсутствие у них христианской веры мешает считать их аналогом английского народа в Южных морях³⁷.

Л. Хант, видный представитель новой культурной истории, охотно использует фрейдизм, но ее интерпретация дискурсивная и конструктивистская. Для нее Французская революция – не рациональные политические действия, а проявление коллективного бессознательного. Хант отмечала, что «французы убили короля таким способом, который больше всего в современной истории напоминает ритуальное жертвоприношение». По ее мнению, дискурс о сексуальности сыграл важную, если не главную, роль в сокрушении монархии, лишив ее авторитета. Образ короля как «политического отца» нации окончательно рухнул после Вареннского кризиса. Мария Антуанетта олицетворяла образ «плохой матери», использовавшей собственное тело, чтобы нанести вред своим политическим детям. Хант насчитала 126 порнографических памфлетов, «героиней» которых была королева. Ей приписывался секс с многочисленными представителями знати, от Людовика XV, Карла д'Артуа до революционных деятелей, а также связи лесбийского характера. Памфлеты содержали репродукции гравюр фривольного свойства. Не случайно на судебном процессе в ее адрес звучали чудовищные обвинения в разврате и инцесте. Это раскрывает гендерный порядок, который уста-

³⁷ Hitchcock 1997. P. 23.

новила Французская революция: отделить женщину от любой общественной деятельности, ограничив семейными обязанностями. Теоретическим основанием обвинений в адрес Марии Антуанетты было отраженное в работах Руссо представление об опасности женской сексуальности, феминизирующей мужчин в публичной сфере.

Прямое отношение к истории сексуальности имеет глава книги, посвященная маркизу де Саду, в трудах которого Хант видел трансформацию порнографии от антиклерикализма и интеллектуального эротизма к современным формам порнографии, ориентированным на массовую аудиторию. Дискурсивный анализ позволил ей увидеть в этом произведении «уникальную современную перспективу опыта Французской революции. Это не значит, что Сад выразил «правду» о революции; республиканцы отвергали его взгляды. Тем не менее, он раскрыл спорные аспекты республиканской идеологии: отношения между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, противоречия между личными эгоистичными стремлениями и потребностью в социальном взаимодействии... Сад довел анализ устремлений самовлюбленного эго до крайней точки – смерти»³⁸. Сад жил во времена дезинтеграции и реформ, когда социальные отношения обнажились в своей хрупкости и условности, а тема смерти приобрела особый смысл. Де Сад ставил те же проблемы, что Руссо или Э. Берк, но доводил их до абсурда и предлагал решения, которые ставили в замешательство. Доведение до абсурда – стратегия Сада-писателя. Временами он просто пародирует республиканские принципы. Если мужчины рождаются свободными и равными в правах, значит, никакой мужчина не может быть исключен из права обладать женщиной. Женщина обладает правом на любые удовольствия, которых жаждет, до тех пор, пока готова отдаться любому мужчине. Вместо того, чтобы доказывать, что женщина должна оставаться дома и тем легитимировать отцовство, Сад утверждает, что она должна стать проституткой и быть доступной. Это пародия на идею республиканцев о вовлеченности женщин в общественную сферу. Если у детей не будет отцов, то они будут принадлежать республике, и у них не будет другой матери, кроме своей страны. Но ведь это именно то, что говорили в Конвенте Дантон и Робеспьер, когда касались вопросов образования. То же самое утверждала в другие времена Александра Коллонтай: «Ребенок принадлежит обществу, в котором родился, а не своим родителям».³⁹ Если великой доблестью провозглашено братство, то и содомия не является преступлением. История Греции и Рима доказывает, что эта практика чаще встречалась во времена республик, она укрепляет узы между мужчинами и полезна в борьбе с тиранами. Более того, де Сад

³⁸ Hunt 1992. 128.

³⁹ Бедненко 2017. С. 48.

использовал идею Монтескье и Руссо, что деспотизм порождается женщинами. Если республика провозгласила братство, что лучше легитимизирует его, чем гомосексуальные отношения мужчин? Убийство ужасно, но в республиканском обществе оно часто перестает быть преступлением, становясь в сущности тем, что можно терпеть. Почему же не счастье убийство терпимым, если оно служит источником наслаждения? Омерзительнейшая сцена «Философии будуара» имеет прямое отношение к атакам на Марию-Антуанетту, «плохую мать», преступление которой заключается в ее статусе матери, которую казнит собственное дитя. Де Сад использовал в этой сцене слова, обращенные во время судебного процесса к бывшей королеве: волчица и шлюха. Хант специально оговаривала, что не защищает взгляд, будто вера в братство и нового человека неизбежно ведет к инцесту, содомии и убийству, с чем республиканцы никогда не согласились бы. Более того, Хант полагала: нельзя быть уверенным, осознавал ли сам де Сад на рациональном уровне такую связь.

1990-е гг. были не просто временем, когда история сексуальности оформилась как раздел академической истории, но и временем ее расцвета. В 2000-х число работ по этой теме продолжало расти, но острота полемики притупилась. Характеристику некоторых трудов последних лет можно найти в обзоре А. Кларк⁴⁰. В сборнике «Современная история сексуальности» звучит мысль о недостаточности изучения сексуального поведения, о необходимости обращаться к этой теме в контексте более широких социальных и культурных вопросов⁴¹. По мнению В. Харрис, трудно определить границы и дефиниции истории сексуальности, потому что сами историки ограничены в понимании сексуальности своим временем и своей культурой. Поэтому история сексуальности воспринимается, в основном, как история девиации, что идет от Фуко, мало затронувшего «нормальные» гетеросексуальные отношения. По мнению Харрис, главный раздел в современной историографии сексуальности проходит не в спорах с конструктивистами, а в разном понимании траектории развития сексуальной культуры: характеризуется ли она нарастанием репрессивности или постепенной эмансипацией. Какими путями общество и власть может ослаблять и усиливать контроль?⁴²

В «Оксфордской истории историописания» отсутствует специальный раздел по истории сексуальности, но эта тема затронута в двух главах. В главе 10 «История и социальные науки на Западе» упомянута «История сексуальности» Фуко и отмечено, что он «увел историков, заинтересованных в теории, в сторону от социологии»⁴³. В главе 7 «Жен-

⁴⁰ Clark 2011.

⁴¹ The Modern History of Sexuality. 2005..

⁴² Harris 2010. P. 1097.

⁴³ Oxford History of Historical Writing. V. 5. 2011. P. 213.

ская и гендерная история» отмечен «отход от восприятия пола как сугубо биологического феномена, появление концепций “сконструированного пола” (маскулинности и фемининности) и изучение изменений, которые эти концепции претерпели». Подчеркнуто, что большая часть трудов по истории сексуальности следовала разъяснениям Фуко о власти и ее распространению посредством сексуального подавления⁴⁴.

Итак, формированию истории сексуальности как направления в историографии способствовал ряд общественных и теоретических факторов, в том числе, вступление западного общества в стадию «потребления» после условного (и реального) 1968 г., когда сексуальность стала признанной частью проекта «индивидуализации». Изучение сексуальной истории было и остается связанным с общественными движениями, такими, как борьба за гражданские права, женское движение и сексуальная революция. В историографическом плане стимулом стал «культурный поворот», в рамках которого произошло обращение к практикам повседневного, а в трудах историков третьего поколения «школы Анналов» и представителей «новой культурной истории» начались исследования ментальности. В методологическом плане свою роль сыграл постмодернизм, посредством теории дискурса выведший историю сексуальности из маргинального положения, сделавший ее признанной в академическом мире научной дисциплиной. Как междисциплинарная область история сексуальности ломает рамки традиционной истории, широко использует теории и методы антропологии, лингвистики, психологии, медицины и других наук. В то же время в истории сексуальности нет сегодня общепринятой теории. Кто-то посчитает, что это мешает ее верификации как особого направления в историографии, однако такая ситуация не уникальна, достаточно вспомнить о публичной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бедненко Г. Александра Коллонтай // Знание – сила. 2017. № 12 [Bednenko G. Aleksandra Kollontay // Znaniya – sila. 2017. N 12]
- История тела / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т. I. От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2012; Т. II. От Великой Французской революции до первой мировой войны. М.: НЛО, 2014 [Istoriya tela / pod red. A. Korben, J. Vigatello. T. I. Ot Rennessansa do epoch Prosvesheniya. M.: NLO. 2012; T. II. Ot velikoy fFranzuzskoy revolyuzii do pervoy mirovoy voyni. M.: NLO, 2014]
- Clark A. The History of Sexuality // History Today. 2011. September. Vol. 61. N 9.
- Crawford K. Privilege, Possibility and Perversion: Rethinking the Study of Early Modern Sexuality // Journal of Modern History. 2006. June. Vol. 78. N 2.
- Foucault M. The History of Sexuality. V.1: The Will to Knowledge. L.: Penguin Books, 1998.
- Gay P. The Bourgeois Experience. Victoria to Freud. V.1. Education of Senses. Oxford: University Press, 1984; V.2. The Tender Passions. Oxford: University Press, 1986.
- Harris V. Sex on the Margins: New Directions in Historiography of Sexuality and Gender // Historical Journal. 2010. Vol. 54. N 4.

⁴⁴ Ibid. P. 152-153.

- Harvey K. The Substance of Sexual Difference: Change and Persistence in Representations of the Body in Eighteenth-Century England // *Gender and History*. 2002. August. Vol. 14. N 2.
- Haynes A. *Sex in Elizabethan England*. Sutton Publishing, 1997.
- Hitchcock T. Sex and Historians: Some Recent Literature on the Construction and Policing of Sexuality // *Social History of Medicine*. 1989. December. Vol. 2. N 3.
- Hitchcock T. *English Sexualities*. L.: St Martin's Press, 1997.
- Hyam R. *Empire and Sexuality. The British Experience*. Manchester: University Press, 1990.
- Hunt L. *The Family Romance of the French Revolution*. L.: Routledge, 1992.
- Laqueur T. *Making Sex. Body and Gender from Greeks to Freud*. Harvard: U.P., 1990.
- Laqueur T.W. *Solitary Sex. A Cultural History of Masturbation*. N.Y.: Zone Books, 2004.
- The Modern History of Sexuality* / Ed. by M. Haulbrook and H.Cocks. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
- Outram D. *The Body and the French Revolution. Sex, Class and Political Culture*. New Haven, 1989.
- Oxford History of Historical Writing*. V. 5. *Historical Writing Since 1945*. Oxford: U.P., 2011.
- Perry R. *Colonizing the Breast: Sexuality and Maternity in Eighteenth Century England // Forbidden History: the State, Society and the Regulation of Sexuality in Modern Europe* / Ed. by John C. Fout. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Roper L. *Oedipus and the Devil. Witchcraft, Sexuality and Religion in Early Modern Europe*. L.-N.Y.: Routledge, 1994.
- Scully D. *Men Who Control Women's Health. The Miseducation of Obstetrician-Gynecologists*. N.Y.: Columbia University, 1994 (1st ed. 1980).
- Sexual Cultures in Europe*. V. 1-2 / Ed. by F. Eder, L.A. Hall, G. Hekta. Manchester: U.P., 1999.
- Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England 1500-1800*. L.: Penguin Books, 1990 [1977].
- Соколов Андрей Борисович**, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского: sokolov_1457@mail.ru

History of Sexuality as Direction in Historiography

The emergence and contemporary situation of the history of sexuality as a direction in historiography is regarded in this article. The factors that stimulated the increase of interest to this kind of studies are revealed, among them the works of the French postmodernist philosopher M. Foucault. The author suggests that academic research of the history of sexuality began approximately in 1970-80s, and in 1990s two main methodological approaches, used for classification in this article, we formed. The first *essentialist* approach regards sex as natural biological phenomenon the attitude to which differs in different cultures and undergoes certain transformation in the process of social development. The second *constructivist* approach is based on Foucault's ideas about discursiveness, and regards control over sexuality as one of the main disciplinary technologies of the modern society. Theoretical problems of the history of sexuality were articulated already in 1990s but consensus was not found. Today most of the numerous works in historiography of sexuality are of empirical character, though they enrich the palette of representations about this important part of human life.

Keywords: history of sexuality, Z. Freud, norm and deviation, M. Foucault, discourse, power, T. Laqueur, de Sad, revolution, L. Hunt

Andrei Sokolov, Dr. Sc., Professor, Dean of the Faculty of History, Yaroslavl Ushinskiy State Pedagogical University: sokolov_1457@mail.ru